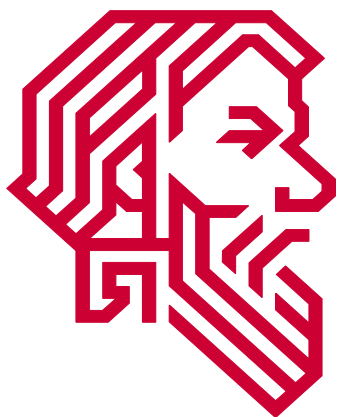

Этнопедагогический
ежегодник

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ ЭТНОПЕДАГОГИКИ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА РАО Г. Н. ВОЛКОВА**

**ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА**

ВЫПУСК 15

ЭТНОПЕДАГОГИКӐН
СӐЛТАЛАК КӐНЕКИ

ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ЭТНОПЕДАГОГИКА
ӐСЛАЛАХӐН
ТӐПЧЕВ
ИНСТИТУЧӐ

НАУЧНО-
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
ЭТНОПЕДАГОГИКИ

И. Я. ЯКОВЛЕВ
ЯЧӐЛЛЕ ЧӐВАШ
ПАТШАЛАХ
ПЕДАГОГИКА
УНИВЕРСИТЕЧӐ

ЧУВАШСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА

ВунпиллӐкмӐш кӐларӐм

Выпуск 15

УДК [39:37](082)
ББК 74.0я431+74.65я431
Э 918

Этнопедагогический ежегодник : сборник научных статей. Выпуск 15 / отв. ред. С. Л. Михеева, О. А. Димитриева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2024. – 154 с.

ISBN 978-5-88297-782-4

Печатается по решению ученого совета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева
(протокол № 3 от 25.10.2024 г.)

Рецензенты:

Харитонов М. Г., доктор педагогических наук, профессор кафедры профессиональной психологии, социальной педагогики и начального образования Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева;

Петухова М. Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова.

В настоящий сборник вошли материалы, связанные с широким кругом теоретических и прикладных разработок в области педагогики, этнопедагогики, филологии и методики преподавания языков. Адресуется педагогам, работникам образовательных учреждений, студентам, магистрантам, аспирантам, а также широкому кругу заинтересованных читателей.

ISBN 978-5-88297-782-4

© Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2024
© Авторы публикаций, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЖЕЙКИНА Г.В.	Педагогическое наследие народных просветителей в контексте музыкально-эстетического воспитания детей	5
АНДРЕЕВА Н.Н.	«Тимерке» или семья как фактор риска формирования отклоняющегося поведения у детей	14
БАНЬ Т.Н.	Педагогические условия формирования этноэкологической компетентности младших школьников	24
БОЛБАС В.С.	Вклад народных просветителей Беларуси XII-XVII вв. в развитие этико-педагогической мысли	29
ВИНЯЦКАЯ Н.В.	Белорусские народные сказки о людях с особенностями психофизического развития	36
ГАВРИЛОВЕЦ Л.В.	Этнокультурная ситуация в Полесском регионе	40
ДЕМАНОВА Е.А.	Г.Н.Волков – педагог и патриот земли чувашской	45
ЕПИФАНОВА Е.А.	Глобальные текстовые категории в видеорецепте комедийного жанра (на примере пародии «Едим в доме» от «Comedy Club»)	49
КАРАВАЕВА Т.Н., ИЛЬИНА Е.М.	Использование музея в формировании этнокультурного пространства в системе СПО	56
КАРЕБИНА О. П.	Традиции М. Монтессори в современной клакс-педагогике	60
КОПЕЙКИНА Н.Г.	К вопросу о преподавании дисциплины «Основы религиозной культуры и светской этики» в современной школе	66
ЛАВРОВА Н.В., КУДРЯШОВА Т.М.	Элементы интеграции при изучении английского и чувашского языка	70
ПАЛИЕВА Т.В.	Особенности реализации образовательной политики в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.	76

СЕРГЕЕВ Т.С.	Московское общество чувашеведения и Общество изучения чувашской культуры в сохранении и развитии этнической идентичности чувашей в 1920-1930-х годах	86
СОКОЛОВА С.Г.	Функции формирования образовательной среды на основе народных художественных традиций в деятельности учреждений социально-культурной сферы	94
СОКОЛОВА С.Г., ЗАКАРЯН А.К.	Направления, формы и методы деятельности учреждений социально-культурной сферы в области формирования образовательной среды при использования народных художественных традиций	105
СОФРОНОВА Л.А., ГРИГОРЬЕВА Н.А.	Электронный ресурс по подготовке обучающихся по специальности 49.02.01 Физическая культура	115
СЫЧЕВА И.С.	Этнопедагогические технологии как прообраз современных образовательных технологий	119
ФИЛИППОВА П.В.	Развитие воображения у детей младшего дошкольного возраста посредством фольклорных произведений	126
ХМЕЛЕВСКИЙ М.С., САВЧЕНКО А.В.	«Человек – это звучит гордо!»: стереотипные представления о совершенном человеке у славян	131
ШАЙМАРДАНОВ Р.Х.	Роль и место этнической педагогики в воспитании молодого поколения в современных условиях	139
ШИМАНСКАЯ И.М.	Методы формирования природоохранного опыта поведения в этнической педагогике белорусов	143
ШОГЛЕВА Е.В.	Особенности организации регионального этапа чемпионата по профессиональному мастерству «Профессионалы»-2024 в Чувашской Республике по компетенции «Дошкольное воспитание»	148

М. С. Хмелевский¹, А. В. Савченко²

*¹Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия*

*²Государственный университет Чжэнчжи
г. Тайбэй, Тайвань*

M. S. Khmelevskii¹, A. V. Savchenko²

*¹St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russia*

*²National Chengchi University
Taipei, Taiwan*

**«Человек – это звучит гордо!»:
стереотипные представления о совершенном человеке у славян**

**‘Man! That has a proud sound’:
Stereotypical ideas about the perfect person at Slavs**

Аннотация. В статье рассматриваются этимологические, лексические и культурологические аспекты лексемы *человек* в славянской культурологической системе ценностей, исторической памяти славян и в общей славянской картине мира. Затрагивается концепт ‘совершенный человек’, его понимание и отражение в национальном сознании славян и вкладываемые в него основные понятия, причем не столько концепты ‘сила’ или ‘красота’, а ‘геройство’ или ‘поступок’).

Abstract. The article examines the etymological, lexical and cultural aspects of the lexeme *человек* in the Slavic cultural system of values, in the historical memory of the Slavs and in the general Slavic picture of the world. The concept of the ‘perfect man’, its understanding and reflection in the national consciousness of the Slavs and the basic concepts embedded in it, not only 'strength' or 'beauty', but the main is ‘heroical behavior’.

Ключевые слова: славянские языки, концепт «человек», лексикология, этимология, лингвокультурология, балто-славянские языковые параллели.

Keywords: Slavic languages, concept ‘человек’, lexicology, etymology, linguacultural, Balto-Slavic language parallels.

Вынесенная в название данной статьи цитата из монолога Сатина в пьесе М. Горького «На дне», давно ставшая в современной русской культуре крылатой

и прецедентной (т.е. узнаваемой в сознании носителя русской ментальности, нередко обыгрываемой в различных контекстах, причем даже далеко не всегда соотносимой с произведением русского классика), послужила толчком для настоящего предлагаемого научно-лингвистического обзора в широком лингвистическом и культурологическом смысле. Об этимологии непосредственно самого слова *человек* в языкознании написано и сказано достаточно много, поэтому основное наше внимание обращено не столько на само понятие этого концепта, сколько на исконные представления о *совершенном человеке* в стереотипном сознании различных славянских народов.

Вначале рассмотрим происхождение данной лексемы. М. Горький вряд ли обращался к этимологии этого слова, разделяя его дефисом в речи своего героя; скорее, в данном случае он с художественной целью лишь подчеркивал интонационный характер, особый эмоциональный, стилистический акцент, подчеркивая интонационную пафосность речи своего героя. Однако, будучи тонким знатоком русского языка, Горький намеренно отметил или подсознательно почувствовал исконную двусоставность этой лексемы, которая обращает нас к праславянскому и даже еще глубже – к общепалтославянскому периоду. Обращаясь к эпохе «языкового состояния», мы обнаруживаем истоки в семантической мотивированности и метафорических основах при номинации древним человеком, в том числе славянами, объектов и предметов окружающего мира. В этом смысле отметим особую важность привлечения балтийских языков для прояснения мотивировки славянских (и шире – общеиндоевропейских) лексем и их исконного смыслового наполнения. В качестве наглядной иллюстрации сравним, например, русск. *рука* и литовск. *ranka*, образованное от глагола *rinkti* – ‘брать, собирать’, русск. *полный* и литовск. *pilvas* – ‘живот’ от глагола *pilti* – ‘наполнять’, русск. *заяц* и литовск. *zuikis* от глагола *žaisti* – ‘играть, прыгать’, русск. *цена* и литовск. *kaina*, однокоренное с русским *каяться* и по своему значению восходит к понятиям ‘покаяние, расплата, кровная месть’, русск. *писать* и литовск. *piešti* – ‘рисовать’, т. е. исконно – наносить цвет на белую поверхность, русск. *дуга, радуга* и литовск. *dangus* – ‘небо’, русск. *бес*, этимологически соотносимый с литовским глаголом, раскрывающим славянскую мотивировку этой лексемы, *baidyti* – ‘пугать’, или с литовским прилагательным *baisus* – ‘страшный’, литовск. *gerklė* и аналогичная палатализованный форма данного корня в русском *горло, жерло* и *жрать*, мотивированные литовским глаголом *gerti* – ‘пить’ и т. п. [Хмелевский, Кузнецова 2023 : 1294 – 1296; Балалыкина 2009 : 52].

Вслед за такими учеными, как М. Фасмер, А. М. Селищев, Г. А. Хабургаев и др., отметим в рамках сказанного выше обоснованность привлечения языкового материала литовского языка для разъяснения этимологии анализируемой нами лексемы. Как уже говорилось выше, слово *человек* является двусоставным, где в русском языке *-о-* является соединительной гласной. Это слово известно всем славянским языкам, правда, не всегда с полностью совпадающим семантическим наполнением (ср. украинск. *чоловік*, польск. *człowiek*, чешск. *člověk*, словацк. *človek*, сербск. *човек*, хорватск. *čovjek*, болгарск.,

македонск. *човек* и т. п.).

Так, первая часть этой двусоставной лексемы созвучна и соотносима с общеславянским словом *чело*, которое в свою очередь является результатом палатализации древнего заднеязычного *k перед переднеязычным и возводится к современному литовскому *kelti* – ‘поднимать’, или однокоренному литовск. *kalnas* – ‘гора’ (литовск. *pakeltis ant kalnų* звучит тавтологически – букв. ‘подняться на поднятие’, в значении ‘подняться на гору, на возвышенность’), а также литовск. *kilmė* – ‘род, происхождение’, т. е. ‘выходец, поднявшийся из рода’ (ср. индоевропейский корень *kel – ‘быть наверху, подниматься вверх’ [Семенова 2003: 682]. В продолжение приведем известные заимствования в славянских языках из европейских с той же основой, как, например: лат. *columna* – исконно ‘возвышение, столб’, восходящие к корню *kel – ‘выдаваться’ [Фасмер 1986: 289; Черных 1999: 512]. Таким образом, проясняется мотивировка общеславянского слова *чело* – ‘лоб’, однокоренного с непалатализованной формой той же основы – *колени*, что этимологически проливает свет на метафоричность мотивировки этих слов, причем здесь балтийский материал помогает объяснить образный перенос значения русской лексемы *колени* – с одной стороны, ‘поднимающийся сустав ноги’ и с другой – ‘разветвление рода, поколение’, т. е. ‘происхождение, «поднятие» из рода, племени’.

Рассмотрев этимологию и метафорику первой части анализируемой нами лексемы *чело* и установив ее изначальное семантико-метафорическое значение как ‘поднятый, возвысившийся’, обратимся ко второй части этого слова. Здесь трактовки этимологов нередко расходятся по причине ее многозначности и омонимичности. Сомнительными, вслед за М. Фасмером, нам представляются гипотезы относительно соотношения со значением *-vėkš* – ‘сила’: по крайней мере по причине абсолютной нелогичности и семантической несвязности двух понятий в одной древней метафорической лексической единице. В этимологических изысканиях глубины внутреннего значения слова на помощь исследователям снова приходит балтийский языковой материал: литовск. *vaikas*, латышск. *vaiks* – ‘ребенок’, где исконный индоевропейский дифтонг *ai*, сохранившийся в современных литовском и латышском, впоследствии преобразовался в славянский «ять», а далее в русском языке – в гласный *e* [Петерсон 1955: 25]. Следовательно, теперь вполне логичной представляется мотивировка метафорической номинации *человека* как такового в древнем праславянском языковом сознании, которое, повторим, в отличие от современного, являлось ассоциативным, вполне прагматичным и лаконично простым: *человек* – это ‘выросший ребенок’, или другими словами – ‘взрослый ребенок’, а с учетом вышеописанного, образно выражаясь, – ‘поднятый, поднявшийся из своего колена, т. е. вышедший из своего рода, ставший самостоятельным его представителем’.

В продолжение рассматриваемой темы отметим, что литовское *vaikas*, равно как и его русский аналог *ребенок* (или общеславянское *дитя*), по своей сути имеет семантическую соотношенность прежде всего с представителем мужского пола, что, в частности, обусловлено и грамматически – как в

литовском, так и в русском это существительные мужского рода [Савченко, Хмелевский 2023: 163]. Следовательно, исходя из проделанного семантико-этимологического анализа, с полной уверенностью и доказанной научной объективностью можно утверждать, что для древнего сознания славян *человек*, как таковой, представлялся, по сути, *выходцем из своего рода / племени / колена*, т. е. мужчина как носитель и продолжатель своего исконного родового семени, а значит – семьи.

Подобное заключение делается нами на основании исключительно лингвистического материала славянских языков. Так, например, если в современном русском языке *человек* обозначает представителей любого пола, то в сербском языковом и культурологическом контексте мы столкнемся отнюдь не с аналогичной ситуацией: сербск. *čovек* – ‘мужчина’. В эпоху глобализации (в основном у молодого поколения и жителей крупных городов Балканского полуострова) часто отмечаются семантические сдвиги, однако патриархальный уклад сербского сознания в обыденной языковой практике не допускает употребления в речи таких выражений, как русск. *я всю жизнь любил одного человека, мою дорогую Марию* – серб. *celog života sam voleo samo jednog čoveka, moju dragu Mariju*, а даже наоборот (что для носителя русской культуры звучит нелепо): *čovек и жена шетају по граду* – букв. ‘человек и женщина гуляют по городу’; *čovек са својом ženom живи у Београду* – букв. ‘человек со своей женщиной живет в Белграде’ и т. п., где в русском контексте сербская лексема *čovек* переводилась бы как *мужчина и женщина*. Более того, в сербской разговорной речи как яркую и одновременно показательную черту проявления национального патриархального менталитета мы встречаем такие употребления этого слова и во множественном числе, как, например: *na prazniku je bilo mnogo ljudi i žena* – букв. ‘на празднике было много людей и женщин’; *ljudi su se družili sa ženama* – букв. ‘люди общались с женщинами’; *na fudbal idu samo ljudi bez žena* – букв. ‘на футбол ходят только люди без женщин’; *ljudi žive manje od žena* – букв. ‘люди живут меньше, чем женщины’ и т. п., где сербская лексема *ljudi* будет выступать эквивалентом русской *мужчины* [Кузнецова, Хмелевский 2021: 35]. В этом смысле отметим разность восприятия и понимания в сербской и русской аудиториях вынесенной в заглавие настоящей статьи цитаты из произведения Горького, которая в сербской (и шире – славяно-балканской) лингвосреде потребует дополнительных культурологических комментариев для ее правильной трактовки.

Этимологически обоснованную исконную относимость в славянском стереотипном сознании лексем *человек / люди* к представителю мужского пола можно также проиллюстрировать и на материале близкородственного русскому украинского языка, где *чоловік* употребляется в значении ‘муж, супруг’ и *людина* – ‘человек’ (ср. сербск. *osoba*). Данный семантический сдвиг у восточных славян объясняется исконной синонимичностью лексем *человек* и *мужчина*, где вторая этимологически восходит к праславянскому корню в значении ‘думать’. Для сравнения приведем литовские однокоренные лексемы *mintis* – ‘мысль’, *manyti* – ‘думать, полагать, считать’ (ср. англ. *a Man, the Mind*, немецк. *der Mann*), в

которых сочетание гласного с носовым согласным в славянских языках перешло в носовой гласный верхнего подъема [ɔ], а затем в у, а также образованное по той же семантической модели литовское слово *žmogus* – ‘человек, мужчина’, родственное славянскому корню *знать* или индоевропейскому **gnosis* – ‘знание’.

Рассмотрим, какой же именно в действительности «выросший ребенок», т. е. *человек* в славянском стереотипном сознании «звучит гордо»? Исторически в своем внутреннем содержании лексема, как было указано выше, не содержит никакого представления о совершенстве, – имеется лишь имплицитная идея о ‘взрослом/выросшем представителе рода’, следовательно, для подчеркивания оценочных качеств язык подсознательно прибегает к эпитетам и сравнениям в рамках подсознательного мировоззренческого фона и сформировавшейся картины мира в этническом, ментальном и ассоциативном подсознании его носителей.

Так все-таки какой же человек в славянском мировосприятии будет, согласно М. Горькому, *звучать гордо*, если сама эта лексема этимологически не мотивирована такими понятиями, как ‘сила, мощь, физические качества’? Для ответа на поставленный вопрос следует привлечь культурологический аспект языкознания, выходящий за рамки сугубо лингвистических исследований. Само понятие *совершенный человек* во многом объясняет метафоричность этого словосочетания: это человек, совершивший некий героический поступок, т. е. в том или ином смысле тот, кто может за что-либо быть назван героем (ср. чешск. и словацк. *hrdina* – ‘герой’ от *hrdý* – ‘гордый’). Таким образом, в славянской картине мира рассматриваемое понятие синонимично приравнивается к концептуальному понятию *герой*. Так, в рамках подобных представлений, к примеру, название произведения М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» получило особое ассоциативно-культурологическое значение для носителя русского менталитета и культуры; или же фольклорные персонажи *Три богатыря*, отличившиеся, согласно народным преданиям, не столько своей силой, сколько совершенными ими подвигами во имя какой-либо идеи или человечества [Пурич, Хмелевский 2023: 158]. Именно данная коннотация рассматриваемого образа послужила толчком для семантического расширения этих лексем и в обиходно-разговорном русском языке, например: *Ну ты и богатырь! Ты настоящий герой!*, которые употребляются в качестве междометной формы похвалы за содеянный поступок.

В этом же ключе можно вспомнить и привести не всегда эквивалентно переводимую даже на близкородственные славянские языки русскую лексему *молодѐц*. Обращаясь к словарям, мы увидим, что этой характеристикой в русском сознании наделяется далеко не самый сильный, красивый или крепко физически сложенный человек, а – ‘молодой герой, храбрец, удалец, человек, обладающий какими-либо положительными качествами, делающий что-либо отлично, умело, ловко’, а также как ‘одобрение того, кто проявил смелость, находчивость, достойно вел себя’ [Ефремова 2000: 451; Ожегов, Шведова 2006: 363]. Этимологически мотивировка русской лексемы прозрачна, но она станет еще

более понятной, если привести аналоги из других славянских языков, где понятия «молодость, юность, храбрость, смелость, отвага при совершении поступка» совпадает по своему значению с героизмом. Ярким подтверждением этому является сербская лексема *junak* – ‘герой’: утратив свои исконные этимологические коннотации, отсылающие к понятию молодости (*junъ – ‘юный, молодой’), в современном сербском языке она употребляется исключительно в обозначенном значении. Причем памятники древней сербской литературы, а также фольклорные источники подтверждают, что лексема *junak* исконно никогда не относилась к обычному молодому человеку, а к воину юного возраста, героически проявившего себя на поле боя [Поповић 2014: 28]. Выходя за рамки славянского мира, продемонстрируем аналогичный перенос значения в тюркских языках: татарск. и башкирск. *egem*, турецк. *yigit*, совмещающие в себе оба понятия – ‘молодой’ и ‘герой’ (ср. русское заимствование *джигит* и его семантическое метафорическое наполнение ‘смелый, храбрый’) [Пурич, Хмелевский 2023: 163].

В качестве украинского соответствия можно привести лексический, культурологический и концептуальный аналог – *козак*, который помимо прямого значения употребляется и в метафорическом смысле: ‘бравый, смелый, храбрый, удалой молодец’, а также в качестве междометного выражения похвалы за какой-либо хороший поступок (в том числе и по отношению к ребенку), которое используется в форме простого обращения к любому человеку, достойному этой похвалы: *козаче! козаченьку!*

В продолжение затронутой темы следует отметить еще как минимум два аспекта образов внутри стереотипных представлений о совершенном человеке в славянской системе ценностей.

Во-первых, для мира *Slavia Orthodoxa*, т. е. для славян, исповедующих православие, качествами совершенного человека прежде всего наделяются исторические личности или даже вымышленные художественные персонажи. К одним можно, например, отнести канонизированных святых, например, св. Владимир, протопоп Аввакум, Николай II у русских, св. Савва у сербов, св. Паисий и св. Софроний у болгар и др., а также нельзя не упомянуть и святых Кирилла и Мефодия у всех славян, т. е. это все те, кто совершил определенные героические поступки во имя православной веры либо пострадавшие за нее. К другим, т. е. к литературным героям, характеристики и поступки которых олицетворяют в сознании носителей славянской культуры образ совершенного человека, в канве художественных персонажей, ставших с культурологической точки зрения даже концептуальными, можно выделить далеко не самых сильных, красивых или умных: вряд ли совершенными со всех точек зрения можно назвать Евгения Онегина, Рогожина из романа «Идиот», Ивана или Дмитрия из романа «Братья Карамазовы», Чацкого из «Горе от ума» и т. п. Тогда как именно «совершенными» в русском культурологическом сознании скорее будут представлять литературные образы, совершившие поступки, принесшие себя в жертву во имя чего-либо великого, а именно – во имя человека или человечества: Данко или Лука из произведений М. Горького, Алеша Карамазов

или князь Мышкин у Ф. М. Достоевского, Платон Каратаев у Л. Н. Толстого и т. п.

Во-вторых, это могут быть и реально существовавшие исторические личности, ставшие мифологизированными персонажами, олицетворяющими образ совершенного человека, запечатленные в народной памяти благодаря своим поступкам во имя веры, идеи, людей, народа. В этом смысле можно говорить об общеславянской (и не только славянской) культурологической системе ценностей: герои, которые отмечены не столько в исторических энциклопедиях, а за свои деяния были воспеты в былинах, фольклоре, народных песнях, эпосе, а также в запечатлены живописи и архитектуре: например, Стенька Разин и Емельян Пугачев у русских, Богдан Хмельницкий, батько Махно у украинцев, украинский Довбуш (XVIII в.) или словацкий Яношик (XVII в.) – славянские исторические и культурологические архетипы, аналогичные английскому образу Робин Гуда, королевич Марко у сербов, отдавший жизнь на Косовом поле за свободу и веру своего народа, Ян Гус у чехов, сожженный на костре за свои убеждения, вдохновивший своей деятельностью чешский народ на борьбу за свою национальную идентичность, Т. Костюшко и Ю. Пилсудский у поляков, которые в разные исторические периоды (XIX и XX вв.) возглавляли национальные движения за независимость. Этот список можно продолжать и далее, но если обратиться к фактическим историческим источникам, то мы увидим, что все исторические личности, ставшие в сознании разных славянских народов прообразами совершенного человека, – это далеко не «силачи» и «красавцы» в стереотипном восприятии этих качеств: ни один из вышеперечисленных национальных героев не обладал большой физической силой или ослепительной внешней красотой, воспетой впоследствии в народном творчестве или живописи, архитектуре, литературе [Пурич, Хмелевский 2023: 164].

Таким образом, на этимологическом, лексическом и культурологическом материале нами была предпринята попытка проиллюстрировать, какой именно «человек» может «звучать гордо» – в культурологической системе ценностей, исторической памяти славян и в общей славянской картине мира. Из рассмотренного и проанализированного нами материала мы видим, что в концепт ‘совершенный человек’ фактически не вкладываются такие понятия, как ‘сила’ или ‘красота’, вернее эти образы наделяются этими качествами уже впоследствии – в национальном сознании в зависимости от исторического опыта отдельно взятого славянского народа; на первый же план выходит прежде всего некий совершенный героический, смелый, неординарный поступок, сделавший из обычного человека «совершенного» в стереотипном представлении и его восприятии последующими поколениями. Выводом к нашему небольшому лингвокультурологическому исследованию может послужить опять-таки фраза из произведения М. Горького: «Безумству храбрых поем мы песню», а в качестве заключения укажем, что сделанные в статье выводы не являются уникальными исключительно для славянского мира, а наоборот, предоставляют читателям – лингвистам, фольклористам, этнокультурологам богатый материал для

тщательного его многоаспектного изучения и проведения параллелей с другими неславянскими языками и культурами.

Литература

1. Балалыкина Э. А. К вопросу о значении литовского языка для исследований в области истории русского языка // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 6. Гуманитарные науки. Казань: КГУ, 2009. С. 50-59.
2. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1165 с.
3. Кузнецова И. В., Хмелевский М. С. Лексемы ориентального происхождения во фразеологизмах, называющих человека, в языке славян-мусульман Боснии // *Slavia Centralis*. 14, 1. Ljubljana, 2021. S. 34-47.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2006. 944 с.
5. Петерсон М. Н. Очерк литовского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 160 с.
6. Поповић М. М. Примери чојства и јунаштва. Београд: Школа гусала Сандић, 2014. 82 с.
7. Пурич А., Хмелевский М. С. О понятиях героизма в славянских языках: русские и сербские параллели // *Slavica Iuvenium XXIV. Lingvistika*. Ostrava: Ostravská univerzita, 2023. S. 157-165.
8. Савченко А. В., Хмелевский М. С. К вопросу о межъязыковой омонимии в славянских языках: общий теоретический и практический обзор проблематики // *Językoznawstwo*. 18.1. Łódź, 2023. S. 161-170.
9. Семенова А. В. Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНВЕКС, 2003. 704 с.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986.
11. Хмелевский М. С., Кузнецова И. В. Актуальность балто-славянских лексико-фразеологических параллелей для славистики // LI Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. СПб.: СПбГУ, 2023. С. 1294-1296.
12. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1999. 560 с.

Авторы:

Хмелевский Михаил Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург (Россия), e-mail: chmelevskij@mail.ru

Савченко Александр Викторович – кандидат филологических наук, ассистент-профессор Государственного университета Чжэнчжи, г. Тайбэй (Тайвань), e-mail: savchenko75@mail.ru